

Информация для цитирования:

Позднякова Е. Ю. Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента) / Е. Ю. Позднякова, Н. Н. Шпильная // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 54—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71.

Pozdnyakova, E. Yu., Shpilnaya, N. N. (2024). Actualization of Interpretational Potential of a Common Noun with Abstract Semantics (based on an Associative Experiment). *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 54-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Актуализация
интерпретационного
потенциала имени
нарицательного с абстрактной
семантикой (на материале
ассоциативного эксперимента)**

Позднякова Елена Юрьевна¹

orcid.org/0000-0002-6239-5023

Scopus Author ID: 58557225600

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра философии и социологии,

корреспондирующий автор

helena_poz@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна²

orcid.org/0000-0002-0709-4308

доктор филологических наук, доцент,
кафедра общего и

русского языкоznания

venata85@mail.ru

¹ Алтайский государственный

технический университет

им. И. И. Ползунова

(Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный

педагогический университет

(Барнаул, Россия)

**Actualization
of Interpretational Potential
of a Common Noun
with Abstract Semantics
(based on an Associative
Experiment)**

Elena Yu. Pozdnyakova¹

orcid.org/0000-0002-6239-5023

Scopus Author ID: 58557225600

PhD in Philology, associate professor,
Department of Philosophy and Sociology,

Corresponding author

helena_poz@mail.ru

Nadezhda N. Shpilnaya²

orcid.org/0000-0002-0709-4308

Doctor of Philology, associate professor,
Department of General and

Russian Linguistics

venata85@mail.ru

¹ Polzunov Altai State

Technical University

(Barnaul, Russia)

² Altai State

Pedagogical University

(Barnaul, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предлагается следующая идея: слово (имя нарицательное) является компонентом интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание. Ассоциация носителя языка предстает как свернутый (потенциальный) интерпретационный дискурс. Изложены результаты свободного ассоциативного эксперимента. В качестве стимула использовались имена нарицательные с абстрактным значением. В результате были получены ключевые лексемы, по которым возможно развертывание дискурса имени нарицательного с абстрактной семантикой. На примере ассоциативного ряда лексем *страх* и *удовольствие* были описаны референциальные области, актуализируемые при реализации интерпретационного потенциала лексемы. Анализ семантической структуры указанных лексем показал, что полученные ассоциаты актуализируют прямое (словарное) и косвенное (интерпретационное) значение слов. Большая часть полученных реакций демонстрирует смыслы, не зафиксированные в словарной статье. Это доказывает, что в процессе интерпретации происходит усложнение семантической структуры имени нарицательного, исходное (словарное) значение дополняется и обогащается дополнительными компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта.

Ключевые слова:

ассоциативное поле; ассоциативный эксперимент; дискурс; имя нарицательное; интерпретационная лингвистика; текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article proposes the following idea: a word (common noun) is a component of the interpretational activity of the addressee perceiving the lexeme and creating interpretational speech utterance. The language speaker's association appears as a condensed (potential) interpretational discourse. The results of a free associative experiment are presented. Common nouns with abstract meanings were used as stimuli. Key lexemes were obtained, allowing for the unfolding of a discourse of a common noun with abstract semantics. Using the associative series of lexemes 'fear' and 'pleasure,' referential areas actualized during the realization of the interpretational potential of the lexeme were described. The analysis of the semantic structure of the mentioned lexemes showed that the obtained associates actualize both direct (dictionary) and indirect (interpretational) meanings of words. A significant portion of the obtained reactions demonstrate meanings not fixed in the dictionary entry. This proves that during interpretation, there is a complication of the semantic structure of a common noun, where the initial (dictionary) meaning is supplemented and enriched with additional components related to personal meanings, values, existential attitudes of the interpreting subject.

Key words:

associative field; associative experiment; discourse; common noun; interpretational linguistics; text.

УДК 811.161.1'37+81-114.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента)

© Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н., 2024

1. Введение = Introduction

По мнению Н. Ю. Шведовой, «прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов, как предложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта явится переход от лингвистики текста к лингвистике слова» [Шведова, 1982, с. 142].

Традиционно в лингвистической литературе слово рассматривалось как номинативная единица, основное назначение которой закрепить в дискретной форме тот или иной «кусочек действительности» [Реформатский, 1996]. Переосмысление положения о некоммуникативности лексемы стало возможным в рамках коммуникативной грамматики русского языка, признающей факт коммуникативного потенциала лексемы, актуализируемого при порождении и восприятии высказывания. По мнению Н. С. Болотновой, коммуникативный потенциал слова — это «такие особенности слова, которые обусловливают его готовность участвовать в общении в качестве элемента высказывания — носителя определённого “кванта” знания и pragматического заряда» [Болотнова, 2014, с. 231]. Ученый отмечает, что благодаря «коммуникативным свойствам лексических единиц в сознании автора и адресата рождаются соответствующие (не идентичные из-за разного знания о мире) микросмыслы, значимые для последующего обобщения в процессе смыслового развертывания текста и его понимания адресатом» [Болотнова, 2014, с. 231]. При таком подходе лексема — это средство объективации смысла речевого высказывания. Однако лексема может выступать в актах текстообразования не только средством, сколько объектом речемыслительной деятельности. В таком случае лексема предстает как дискурсивный референт — как источник ассоциативных связей, актуализируемых в дискурсе адресата.

Е. В. Клобуков, полагая, что «в слове <...> широко отражаются разно-плановые коммуникативно-прагматические свойства текста» и что «ничто (или почти ничто) текстовое не чуждо слову», формулирует сверхзадачу функциональной (коммуникативной) грамматики слова — установление дискурсивных возможностей слова в передаче коммуникативно значимой информации [Клобуков, 1997, с. 32].

Развивая идеи ученых о том, что коммуникативный потенциал слова реализуется в ситуации не только порождения, но и восприятия высказывания, мы полагаем, что одним из аспектов коммуникативного функционирования слова является интерпретационный аспект, соотносимый с интерпретационным функционированием слова. Интерпретационный потенциал слова обычно связывают с анализом прагматически маркированного слова [Булыгина и др., 2015]. В рамках данной статьи развивается идея, согласно которой слово (имя нарицательное) является компонентом интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание. Истоки подобного подхода к имени нарицательному мы находим в работе Л. Г. Ким «Вариативно-интерпретационное функционирование текста». В указанной монографии анализируется внутренняя форма слова как фактор его вариативно-смыслового функционирования [Ким, 2009]. Анализируя смысловые версии, актуализируемые адресатами, Л. Г. Ким, по сути, говорит об интерпретационном потенциале лексемы, который по-разному реализуется в рецептивной деятельности адресатов.

Актуальным для нас является положение, согласно которому в структуре языкового знака выделяется интерпретанта, определяющая восприятие знака адресатом (Ч. Пирс). Иными словами, одним из свойств языкового знака, в том числе и нарицательного имени, является интерпретируемость. Интерпретация — когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий [Демьянков, 1996, с. 31]. Как следствие, имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, способно наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса адресата.

В поле нашего зрения — реализация интерпретационного потенциала имени существительного с абстрактным значением. Мы исходим из предположения, согласно которому имя нарицательное имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может быть развернута в процессе коммуникации в зависимости от условий, содержания, целей общения и его участников, то есть в целом от специфики разворачивающегося дискурса. При этом актуализация того или иного компонента значения зависит от интерпретации воспринимающего субъекта. С таких позиций

лексема предстает как свернутый текст или «пучок смыслов», который может быть развернут и интерпретирован в процессе речепорождения: «речь рождается от слова или целых кусков (chunks) будущего высказывания» [Кубрякова, 1986, с. 133].

Далее мы исходим из мысли, согласно которой интерпретационная ориентация слова обусловлена ассоциативно. Иными словами, мы считаем, что ассоциативное поле лексемы фиксирует ее интерпретационный потенциал. При восприятии имени нарицательного с абстрактной семантикой носитель языка намечает референциальную модель разворачивания дискурса, актуализирующего концептную семантику существительных. В современных исследованиях доказывается, что слово «задает направление репрезентации смысла и активизирует психические, лексические и грамматические механизмы» [Степыкин, 2021, с. 21]. Языковое сознание субъекта хранит не только фрагменты или «следы» текстов, но и любые произнесенные или услышанные высказывания, касающиеся ключевого слова, выступающего стимулом для воспринимающего субъекта в процессе речепорождения. Как следствие, носитель языка актуализирует интерпретационный потенциал ключевого слова, который связан с индивидуально-авторскими микросмыслами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Говоря о том, что носитель языка, воспринимая лексему, разворачивает интерпретационный дискурс, мы далее исходим из положения, согласно которому интерпретационный дискурс адресата проявляется в ассоциациях носителя языка. Иными словами, мы полагаем, что ассоциация носителя языка предстает как свернутый (потенциальный) интерпретационный дискурс.

Методологической посылкой такого понимания ассоциации служат представления о связи лексемы и текста. Ю. Н. Карапулов пишет: «Тексты не просто окружают человека вовне, они запечатлены в его индивидуальной АВС (ассоциативно-вербальной сети. — Е. П., Н. Ш.) не только в виде фрагментов прецедентных общекультурных текстов, но и в виде грамматикализованных в словоформах следов повседневного речепроизводства, фиксируемых моментально при приведении в эксперименте АВС к выражению следов, в которых оказывается “схваченным”, как бы “застывает” одно из грамматических состояний узла, имя которого активизировано прежде всего семантической связью с предложенным в данный момент стимулом, а состояние или оформление обусловлено памятью о недавних текстах» [Карапулов, 1993, с. 190]. Как следствие, лексема-стимул порождает разные ассоциации, которые способны развернуться в процессе их восприятия адресатом. При таком подходе мы актуализируем узкий подход

к пониманию интерпретационного дискурса, рассматривая последний как дискурс адресата, объективирующий различные ментальные (в том числе и референциальные) модели, «упакованные» в слове-стимуле.

В лингвистической литературе уже давно отмечается предикационная связь между лексемой-стимулом и лексемой-реакцией. Имеются работы, в которых утверждается, что лексема-стимул — это тема высказывания, а лексема-реакция — это рема высказывания. Признавая сказанное, мы полагаем, что лексема-стимул и лексема-реакция представляют собой свернутое диалогическое единство. При таком подходе лексема-стимул — это инициальная реплика, а лексема-реакция — это ответная реплика, а отношения между ними носят интерпретационный характер. В кандидатской диссертации А. С. Абрамовой доказывается, что ответная реплика появляется вследствие реализации адресатом тех или иных интерпретационных стратегий — холистической или элементаристской [Абрамова, 2023]. В ранее опубликованной нами работе [Дударева и др., 2021] мы показали, что ответные реплики-комментарии к новостной статье представляют собой интерпретационный дискурс, разворачивающийся вокруг определенного коммуникативного (новостного) события.

Ассоциативная деятельность — это интерпретационная деятельность, связанная с актуализацией ключевых слов будущего высказывания. Такие ключевые слова предстают как коммуникативные фрагменты, компонентами которых они являются. Б. М. Гаспаров утверждает, что имя нарицательное актуализирует коммуникативные фрагменты (КФ) в языковой памяти говорящих: «Каждый КФ кристаллизован в нашем сознании в качестве индивидуализированного смыслового “предмета”, во всей неповторимой совокупности его интеллектуального и эстетического содержания, ассоциативных валентностей, тематических потенций, эмоциональных обертонов, стилевой и жанровой фактуры» [Гаспаров, 1996, с. 95]. Ассоциативные валентности слова-стимула «вытягивают» слово-реакцию как прообраз будущего дискурса. Сказанное согласуется с идеей Е. С. Кубряковой о номинативном характере речевой деятельности [Кубрякова, 1995]. Высказанные соображения коррелируют также с тезисом Л. С. Выготского, согласно которому «мысль не только оформляется в слове, но и формируется в слове». Согласно мысли ученого, создание текста опосредуется внутренней речью — внутренним предикатом, который «как бы вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя почти безгранично рамки своего значения» [Выготский, 1982, с. 350]. Развивая идеи Л. С. Выготского, Е. С. Кубрякова уточняет, что внутреннее слово является носителем «личностных смыслов, отличных от языковых системных значений, закрепленных за словом в системе языка именно благодаря ореолу

индивидуальных ассоциаций и личностному отношению к обозначенному словом объекту» [Кубрякова, 2008, с. 144]. Это означает, что лексема — это свернутый дискурс, специфика разворачивания которого определяется «ореолом индивидуальных ассоциаций». Индивидуальность ассоциаций определяется интерпретационным компонентом языкового сознания, актуализирующемся при восприятии лексемы-стимула адресатом.

Для доказательства гипотезы о том, что лексема с абстрактной семантикой разворачивает интерпретационный дискурс адресата, мы провели свободный ассоциативный эксперимент.

В качестве стимула использовались имена нарицательные с абстрактным значением (всего 17 лексических единиц). Респондентами стали студенты 1—2 курса АлтГТУ им. И. И. Ползунова (109 чел.) в возрасте от 18 до 22 лет. Испытуемым предлагалось записать все возникшие при восприятии слова ассоциации, всего было получено 2243 реакции, в 69 случаях отмечено отсутствие ассоциаций. Полученные ассоциации рассматриваются нами как ключевые лексемы, по которым возможно развертывание дискурса имени нарицательного с абстрактной семантикой. Совокупность ассоциатов, относящихся к конкретной лексеме, формирует ее ассоциативное поле.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Описание ключевых ассоциаций имен нарицательных

Рассмотрим полученные в результате эксперимента ключевые ассоциации более подробно:

1. Страх: темнота (7); боль (5); ужас (5) / ужасы; пауки (4) / паук (2); сессия (4); боязнь (3); испуг (3); одиночество (3); Андрей (2); армия (2); высота (2); глубина (2); Каракурова (2); крыша (2); математика (2); неизвестность (2); ночь (2); опасение (2); опасность (2); отсутствует (2); отчисление (2); потеря (2); пустота (2); смерть (2); тьма (2); страха нет (2); физика (2); фильм (2); фобия (2); экзамены (2) / экзамен; электротехника (2); долг / долги; проблема / проблемы; угроза / угрозы и др. (155 ассоциаций, в том числе 65 единичных ассоциаций; 2 — нет ассоциаций).

2. Удовольствие: отдых (18); еда (10) / вкусная еда (5); радость (7); успех (2); сон (5) / спать; тепло (4); кайф (3); лето (3); любовь (3); мороженое (3) / мороженка; друзья (2); наслаждение (2); природа (2); секс (2) / sex; сладкое / сладость (3); спокойствие (2) и др. (142 ассоциации, в том числе 62 единичных ассоциаций; 6 — нет ассоциаций).

3. Спокойствие: сон (16) / спать; отдых (11); тишина (10); дом (8) / дома; умиротворение (7) / умиротворенность; вода (4); одиночество (4); костёр, дождь (3); кровать (3); лес (3); лето (2); природа (3), баланс (2);

вечер (2); луна (2); медитация (2); музыка (2); пустота (2); семья (2); скала, смерть (2); чил (2) и др. (141 ассоциация, в том числе 42 единичных ассоциации; 1 — нет ассоциаций).

4. Притяжение: магнит (16); земля (13) / земли (4); любовь (12); гравитация (8); физика (8); Ньютон (5); сила (5); фильм (5) / фильм Бондарчука; космос (4); $F=mg=GMm/R^2$ (4); большие нет / притяженья большие нет; влечение (2); магнитное поле (2); масса (2); планета (2) / планеты (2); $g^* m1m2/R^2$ (2) и др. (131 ассоциация, в том числе 32 единичных ассоциации; 3 — нет ассоциаций).

5. Трудолюбие: работа (25); успех (7); деньги (5); упорство (5); зарплата (3); лень (3); пана (3); мотивация (2); нет (2); труд (2); тяжесть (2); усердие (2) и др. (124 ассоциации, в том числе 62 единичных ассоциации; 5 — нет ассоциаций).

6. Простор: поле (34) / поля (1); свобода (17); море (5); степь (5); дом (3) / дома; магазин (3); небо (3); горизонт (2); горы (2); легкость (2); много места (2); мысли (2); природа (2); пространство (2); пустота (2); торговый центр / ТЦ и др. (130 ассоциаций, в том числе 40 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

7. Беспощадность: злость (12), жестокость (11); убийство (6); война (5); месть (5); гнев (4); Гурова (3); кровь (3); зверь (2), зло (2); огонь (2); пытки (2); слабость (2); цель (2) и др. (130 ассоциаций, в том числе 67 единичных ассоциаций; 8 — нет ассоциаций).

8. Детство: беззаботность (12) / беззаботное; радость (7); игрушки (6) / игрушка; веселье (5); друзья (5); деревня (5); свобода (4); школа (4); детский сад (3) / детсад / садик (2); дом (3); лето (3); песочница (3) / песочница и куличики; игра (2) / игры (2); велосипед / велик (2); воспоминания (2); качели (2); мама (2); молоко (2); песня (2); смех (2); счастье (2); юность (2); Юра Шатунов / трек Юры Шатунова / песенка Шатунова и др. (136 ассоциаций, в том числе 44 единичных ассоциации; 2 — нет ассоциаций).

9. Радость: смех (12) / смех людей; улыбка (10) / улыбки (2); счастье (10); детство (5); веселье (4); друзья (4); лето (4); семья (4); автомат (2) / автомат по вышивату (3); дом (2); еда (2), легкость (2); подарки (2); праздник (2); удовольствие (2); эмоции (2), близкие люди / близкие; сдали сессию / сданная сессия / сессия сдана и др. (135 ассоциаций, в том числе 54 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

10. Старость: пенсия (9); смерть (9); болезни (6) / болезнь (2); спокойствие (6); мудрость (5); дед / дедушка (4); не радость (4); боль в спине / спина болит, морщины (3); опыт (3), тяжесть (3), бабушки / бабушка (2); внуки (3); возраст (3); время (2); грусть (2); конец (2); песок (2); покой (2); страх

(2); *уважение* (2); *кресло / кресло-качалка; седой цвет / седые волосы* и др. (138 ассоциаций, в том числе 54 единичных ассоциаций; 6 — нет ассоциаций).

11. Дружба: *помощь* (9); *доверие* (9); *верная / верность* (5); *люди* (4); *друзья* (3); *друг* (3); *жвачка* (3); *поддержка* (3); *преданность* (3); *радость* (3); *бензопила* (2) / *пила*; *веселье* (2); *дружба крепкая* (2); *крепкий / крепкая* (2); *навеки* (2); *не существует* (2); *общение* (2); *понимание* (2); *рукопожатие* (2); *честность* (2); *брат / братан / братство / братья; кент / кенты; мир, дружба, жвачка / мир, жвачка и др.* (122 ассоциаций, в том числе 44 единичных ассоциаций; 9 — нет ассоциаций).

12. Красота: *природа* (18); *цветы (10) / цветок; девушка (6) / девушки (5); внешность (3); закат (2); искусство (2); косметика (2); море (2); небо (2); помада (2); простота (2); роза (2); требует жертв (2); я (2); вечная / вечность; звезды / звезда; красиво / красивый; мир / мир (окружение) / окружающий мир; сила / страшная сила и др.* (130 ассоциаций, в том числе 56 единичных ассоциаций; 5 — нет ассоциаций).

13. Мудрость: *старость (21) / старый; опыт (14) / жизненный опыт (2); знание (8) / знания (3); дед (3) / дедушка (2); возраст (4); совы / сова (4); ум (4); борода (3); книга (2) / книги (2) / книжки; развитие (2); старики / старик (2) / старец; учеба (2); философия (2); кот / кошка; умность / умный и др.* (132 ассоциации, в том числе 43 единичных ассоциаций; 2 — нет ассоциаций).

14. Неизведанность: *космос (17); страх (14); океан (10); интерес (7); пустота (5); темнота (4); любопытство (3); бездна (2); вселенная (2); глубина (2) / глубины моря; жизнь (2); загадка (2); математика (2); опасность (2); неизведанность / неизведенное и др.* (123 ассоциации, в том числе 46 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

15. Свобода: *простор (6); небо (5); поле (5); птичий полет / полет (5); жизнь (4); воля (3); независимость (3); путешествие (3) / путешествия; природа (3); Россия (3); горы (2); воздух (2); выбор (2); деньги (2); иллюзия (2); каникулы (2); лето (2); мир (2); радость (2); тюрьма (2); сдача сессии / сессия сдана; слова / слово и др.* (122 ассоциации, в том числе 56 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

16. Древность: *история (14); старость (5) / старина / старое; дерево (3) / дряхлое дерево; Египет (3); пещеры (2) / пещера (2); руины (3), камень (3); камни (2); память (2); прошлое (2), пирамиды / пирамида Хеопса (2); динозавр (2) / динозавры; старый дом (2); наскальная живопись / наскальные рисунки и др.* (116 ассоциаций, в том числе 63 единичных ассоциаций; 2 — нет ассоциаций).

17. Непонимание: *физика (17); глупость (6); вопросы (3) / вопрос; вышмат (3); математика (3); страх (3); жизнь (2); замешательство (2);*

злость (2); недоумение (2); незнание (2); ребенок (2); сложность (2); скора (2); трудность (2); тяжесть (2); учеба (2); конфликт / конфликты; тупизн / тупость (135 ассоциаций, в том числе 55 единичных ассоциаций; 5 — нет ассоциаций).

При восприятии имени реципиенты актуализировали существующие в языковом сознании отдельные лексемы, выстраивая ассоциативный ряд, рассматриваемый как ряд ключевых слов, по которым в дальнейшем возможно развертывание диалогических или монологических высказываний. На дотекстовом этапе большое значение имеют личностные смыслы воспринимающего субъекта, поскольку именно они порождают низкочастотные, субъективно-окрашенные ассоциации и, кроме этого, именно они связаны с интерпретационной деятельностью адресата.

3.2. Особенности разворачивания интерпретационного дискурса адресатом

Рассмотрим на примере ассоциативного ряда лексем *страх* и *удовольствие* интерпретационный потенциал имени нарицательного с абстрактной семантикой. Имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, позволяет наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса, связанные с личностными смыслами адресата.

Полученные в результате ассоциативного эксперимента данные позволяют говорить о том, что интерпретационно обусловленные референциальные области потенциального дискурса адресата обусловлены как прямыми (словарными) ассоциациями, так и личностно-окрашенными смыслами (интерпретантами, по Ч. Пирсу).

3.2.1. Референциальные области, актуализируемые при реализации интерпретационного потенциала лексемы *страх*

Словарная статья дает следующее определение лексемы *страх* — ‘Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.; боязнь’ [БТСРЯ, 1998]. В числе референциальных областей, актуализируемых при объективации лексемы *страх*, выделяются «словарно» обусловленные ассоциаты: *испуг, вина, ненависть, боязнь, неизвестность, боль* и др.

В зону личностно-окрашенных ассоциатов мы относим ассоциации, актуализирующие следующие референциальные области:

- **бедность:** *бедная жизнь, 1500 в день;*
- **война:** *армия, война;*
- **животные:** *медведь, волки, собака;*
- **насекомые:** *большие насекомые, клещ, насекомые, паук, пауки, тараканы, шершни;*
- **неизвестность:** *сомнение, неизвестность, неопределенность;*

- **опасность:** высота, глубина, гроза, ДТП, катастрофа, крыша, нож, опасность, проблема, проблемы, смерть, угрозы;
- **переживание, эмоции:** бояться, боязнь, волнение, вина, дрожь, испуг, ненависть, неприязнь, опасения, паника, растерянность, сомнение, унижения;
- **потери:** лишение стипендии, потеря, потерять все, предательство;
- **пугала:** монстр, привидение, пугала, скелет;
- **страха нет:** отсутствует, стоим не боимся, страха нет, храбрость;
- **состояния:** боль, болезнь, голод, злость, одиночество, растерянность, сердцебиение, слабость, фобия;
- **темнота:** выключатель, темная комната, темнота, тьма, ночь, мрак, морок, черный;
- **фильмы:** ужасы, ужастюки, фильм;
- **экзамены:** долг, долги, защита лаб.раб., математика, незачет, отчисление, сессия, физика, экзамены, экзамен, электротехника.

Выделенные компоненты семантической структуры ассоциативного поля лексемы *страх* связаны с ее лексическим значением скорее косвенно, поскольку большая часть ассоциатов демонстрирует смыслы, не зафиксированные в словарной статье. Как утверждает Н. И. Степыкин, «в ассоциативном поле представлены реакции, которые говорят о способности индивида представить личностный смысл за счет расширения сочетательных связей инвариантного значения» [Степыкин, 2021, с. 27]. Мы полагаем, что появление реакций, напрямую не связанных со словом-стимулом, говорит не только об актуализации личностных смыслов реципиентов, но и об их интерпретационной деятельности. Интерпретация адресатом предполагает конкретизацию и развертывание дискурса имени нарицательного в языковом сознании реципиента.

А. Р. Лурия указывает на то, что «слово становится центральным узлом для целой сети вызываемых им образов и “коннотативно” связанных с ним слов, которые говорящий или воспринимающий задерживает, тормозит с тем, чтобы из всей сети “коннотативных” значений выбрать нужное в данном случае “ближайшее” или “денотативное” значение» [Лурия, 1998, с. 44].

Соотношение референциальных областей прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения лексемы *страх* можно представить в виде схем (рис. 1, рис. 2):

3.2.2. Референциальные области, актуализируемые при реализации интерпретационного потенциала лексемы *удовольствие*

Словарная статья лексемы *удовольствие* содержит два основных значения:

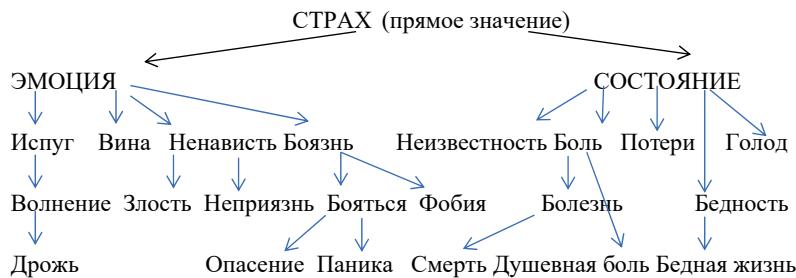

Рис.1 Схема прямого развертывания семантики лексемы *страх*

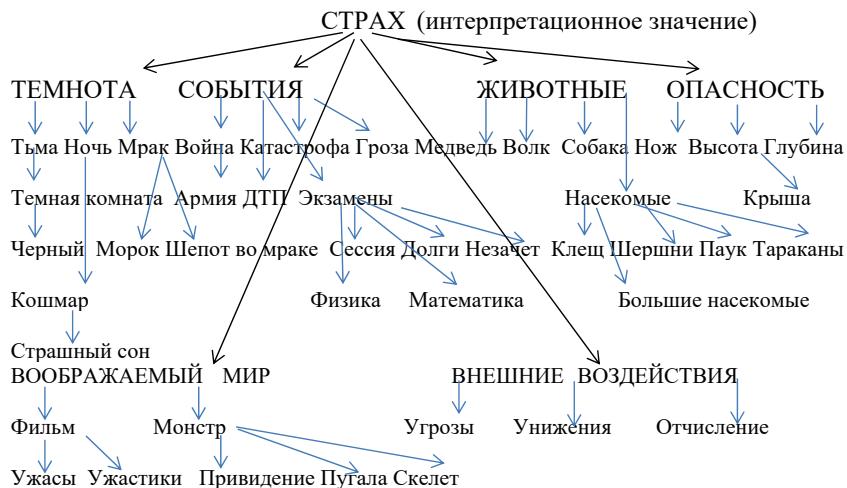

Рис. 2 Схема интерпретационного развертывания семантики лексемы *страх*

1. Чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний.
2. То, что вызывает, создаёт такое чувство; приятное развлечение, забава [БТСРЯ, 1998].

В числе референциальных областей, актуализируемых при объективации лексемы *удовольствие* выделяются «словарно» обусловленные ассоциаты: *кайф, радость, любовь, счастье* и др.

В зону личностно-окрашенных ассоциатов мы относим ассоциации, актуализирующие следующие референциальные области:

— **деньги:** *стипендия, деньги, 100 000 в месяц;*

- **еда:** еда; вкусная еда; вкусно; мороженое; мороженка; обед; поесть; прием пищи; скушать курочку жареную; сладкое; сладость; KFC;
- **общение:** девушки; друзья; дружба; общение; посиделки с друзьями; разговоры;
- **отдых:** время после сессии; дом; лето; отдых; первый день отпуска, а позади еще целый месяц; природа; relax;
- **путешествия:** Дубай; поездки; путешествие;
- **положительные эмоции:** блаженство, кайф, любовь, наслаждение; приятное времяпрепровождение; радость; счастье; успех, хорошее настроение; эндорфин;
- **работа, учеба:** автомат; закрытая сессия; работа; результат; сданная сессия; экзамен;
- **развлечения:** автомобиль; алкоголь; вкид; езда за рулем авто; кальян; кино; машина; просмотр ютуба; развлечения; сигареты; секс; sex;
- **сон:** сон; спать; одеяло;
- **состояние:** азарт; жизнь; мягко; расслабление; редкость; спокойствие; тепло; тишина и покой, уединение;
- **увлечения, хобби:** игра; майнкрафт; спорт; турник; футбол; хобби.

Большинство зафиксированных в ассоциативном поле лексемы *удовольствие* реакций не связаны с ее словарным значением. Появляющиеся реакции, казалось бы, напрямую не связанные с семантикой слова, свидетельствуют о «прохождении» лексемы через личностные смыслы адресата и актуализации тех pragматических, субъективно окрашенных ассоциаций, которые обладают психологической релевантностью для воспринимающего субъекта в данный момент в конкретной ситуации.

Соотношение референциальных областей прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения лексемы *удовольствие* можно представить в виде схем (рис. 3, рис. 4):

Таким образом, представленные схемы наглядно демонстрируют усложнение семантики имени нарицательного с абстрактным значением в процессе интерпретационной деятельности реципиентов. Исходное значение дополняется и обогащается дополнительными компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта.

На предложенных нами схемах отражены в числе прочего и особенности организации ментального лексикона адресата, воспринимающего лексему. Ментальный лексикон имеет сетевой принцип организации, при котором «узлы сети образуют кластеры, объединяясь по различным основаниям. В свою очередь, кластеры также соединяются в более крупные группы единиц. Благодаря узлам сети каждая единица связана со всеми

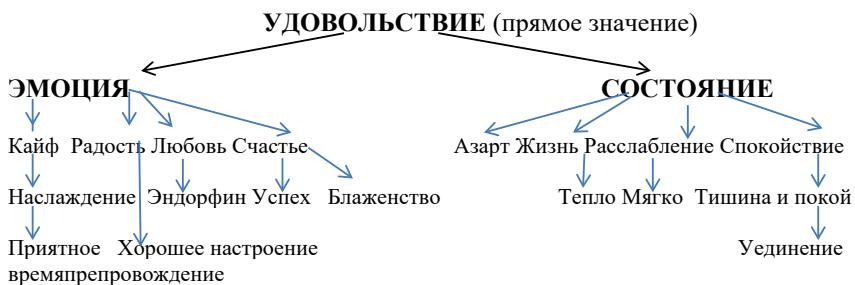

Рис. 3 Схема прямого развертывания семантики лексемы *удовольствие*

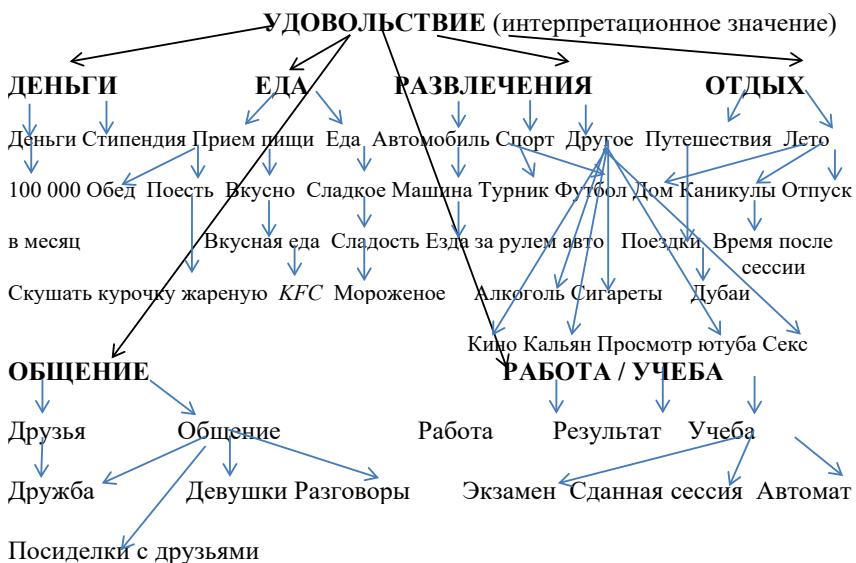

Рис. 4 Схема интерпретационного развертывания семантики лексемы *удовольствие*

остальными, однако расстояние между единицами (сила связи) варьирует весьма существенно, что отражается на времени их совместной активации» [Овчинникова, 2018, с. 161]. Получаемые в процессе ассоциации лексические единицы можно назвать ключевыми словами (узлами сети), которые имеют потенциал развертывания и интерпретации в процессе порождения высказывания. По справедливому утверждению А. Р. Лурия, «в процессе высказывания как “тема” (то, о чем будет идти

речь), так и “рема” (что именно это высказывание будет сообщать) должны быть существенно расширены, т. е. должны быть разделены на целую цепь звеньев определенной программы целостного высказывания» [Лурдия, 1998, с. 252].

4. Заключение = Conclusions

В статье мы исходили из предположения, что имя нарицательное с абстрактной семантикой имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может быть развернута в процессе коммуникации в зависимости от условий, содержания, целей общения и его участников. В процессе актуализации того или иного компонента значения ведущая роль принадлежит интерпретационной деятельности воспринимающего субъекта. При таком подходе лексема предстает как объект речемыслительной деятельности адресата.

При восприятии имени нарицательного с абстрактной семантикой носитель языка намечает референциальную модель разворачивания дискурса, актуализирующую концептную семантику существительных. Для доказательства данной гипотезы был проведен ассоциативный эксперимент, в результате которого были получены ассоциативные ряды, содержащие ключевые слова, рассматриваемые нами как свернутые тексты, по которым в дальнейшем возможно развертывание диалогических или монологических высказываний. Проведенный эксперимент доказал, что в ассоциативном поле зафиксирован интерпретационный потенциал лексемы.

На примере ассоциативного ряда лексем *страх* и *удовольствие* нами был проанализирован интерпретационный потенциал имени нарицательного с абстрактной семантикой. Выделенные компоненты семантической структуры ассоциативного поля указанных лексем связаны с их лексическим значением скорее косвенно, поскольку большая часть ассоциатов демонстрирует смыслы, не зафиксированные в словарной статье. Это доказывает, что в процессе интерпретации происходит усложнение семантической структуры имени нарицательного, исходное (словарное) значение дополняется и обогащается дополнительными компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что при восприятии лексемы адресат актуализирует определенные компоненты семантики имени нарицательного. Получаемые в процессе ассоциирования лексические единицы можно назвать ключевыми словами (узлами сети), которые имеют потенциал развертывания и интерпретации в процессе порождения высказывания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. Абрамова А. С. Актуальное членение высказывания в русской диалогической речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 00.00.00 / А. С. Абрамова. — Барнаул, 2023. — 145 с.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативный потенциал слова / Н. С. Болотнова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет / Под редакцией А. П. Сквородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 231—232.
3. БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка [Электр.] : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1534 с. — ISBN 978-5-6043768-7-4.
4. Булыгина Е. Ю. Интерпретационный потенциал pragmatischeski-markirovannogo-slova-vzaimodeystvie-ideologicheskogo-i-otsenochnogo-komponentov (дата обращения 13.03.2024).
5. Выготский Л. С. Мысление и речь / Л. С. Выготский. — Москва : Педагогика, 1982. — Т. 2. — 794 с.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
7. Демьянков В. З. Интерпретация / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. — С. 31—33.
8. Дударева Я. А. Обыденный медиинный дискурс как интерпретационный дискурс (на материале интерпретирующих высказываний интернет-речи) / Я. А. Дударева, Н. Н. Шпильная // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 74. — С. 28—42. — DOI: 10.17223/19986645/74/2.
9. Карапулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Карапулов. — Москва : Русский язык, 1993. — 330 с.
10. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Монография / Л. Г. Ким. 3-е изд., испр. и доп. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012. — 272 с. — ISBN 978-5-9710-0553-7.
11. Клобуков Е. В. Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова / Е. В. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация / В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). — Москва : Филология, 1997. — С. 32—39.
12. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — Москва : Наука, 1986. — 158 с.
13. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 158 с. — ISBN 978-5-39-707058-4..

14. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 416 с.
15. Овчинникова И. Г. Входящие и исходящие связи слова в ментальном лексиконе младшего школьника / И. Г. Овчинникова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2018. — № 189. — С. 160—169.
16. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский ; Под ред. В. А. Виноградова. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
17. Степыкин Н. И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла : автореферат ... диссертации доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. И. Степыкин. — Москва, 2021. — 53 с.
18. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI Виноградовские чтения. — Москва : Наука, 1982. — С. 142—154.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2024,
одобрена после рецензирования 12.04.2024,
подготовлена к публикации 17.04.2024.*

References

- Abramova, A. S. (2023). *Actual articulation of utterance in Russian dialogic speech*. PhD Diss. Barnaul. 145 p. (In Russ.).
- Bolotnova, N. S. (2014). The communicative potential of the word. In: *Effective speech communication (basic competencies): Dictionary-reference*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 231—232. (In Russ.).
- BTXR — *A large explanatory dictionary of the Russian language [Electr.]*. (1998). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 978-5-6043768-7-4. (In Russ.).
- Bulygina, E. Y., Tripolskaya, T. A. (2015). Interpretative potential of a pragmatically marked word: interaction of ideological and evaluative components. *Bulletin of the NGPU*, 5 (27). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsi-onnyy-potentsial-pragmaticski-markirovannogo-slova-vzaimodeystvie-ideologicheskogo-i-otsenochnogo-komponentov> (accessed 03/13/2024). (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1996). Interpretation. In: *Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Moscow State University Press. 31—33. (In Russ.).
- Dudareva, Ya. A., Shpilnaya, N. N. (2021). Everyday media discourse as an interpretive discourse (based on the material of interpretative statements of Internet speech). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 74: 28—42. DOI: 10.17223/1998645/74/2. (In Russ.).
- Gasparov, B. M. (1996). *Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: New Literary Review. 352 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1993). *Associative grammar of the Russian language*. Moscow: Russian language. 330 p. (In Russ.).
- Kim, L. G. (2012). *Variative-interpretative functioning of the text. Monograph*. Kemerovo: Kemerovo State University. 272 p. ISBN 978-5-9710-0553-7. (In Russ.).
- Klobukov, E. V. (1997). Problems of studying the communicative grammar of the Russian word. In: *Language, consciousness, communication*. Moscow: Philology. 32—39. (In Russ.).

- Kubryakova, E. S. (2008). *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: LKI Publishing House. 158 p. ISBN 978-5-39-707058-4. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1986). *The nominative aspect of speech activity*. Moscow: Nauka. 158 p. (In Russ.).
- Luria, A. R. (1998). *Language and consciousness*. Rostov-on-Don: Phoenix. 416 p. (In Russ.).
- Ovchinnikova, I. G. (2018). Incoming and outgoing connections of words in the mental lexicon of a younger student. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 189: 160—169. (In Russ.).
- Reformatsky, A. A. (1996). *Introduction to linguistics*. Moscow: Aspect Press. 536 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (1982). Types of contexts constituting a multidimensional description of a word. In: *Russian language. The text as a whole and the components of the text. XI Vinogradov readings*. Moscow: Nauka. 142—154. (In Russ.).
- Stepykin, N. I. (2021). *Speech action as a psycholinguistic mechanism of generation and actualization of meaning*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 53 p. (In Russ.).
- Vygotsky, L. S. (1982). *Thinking and speech*, 2. Moscow: Pedagogy. 794 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 12.04.2024;
accepted for publication 17.04.2024.*